

Ján Komorovský. *Kráľ Matej Korvín v ľudovej prozaickej slovesnosti*. Bratislava, 1957, 137 стр.

Интерес к прогрессивным тенденциям в традиционном народном творчестве — характерная черта современной фольклористики Чехословакии. Исследования традиционного фольклора отражают стремление выявить народную оценку важнейших исторических эпох, событий, личностей, вскрыть выражения национального самосознания и патриотизма, а также мотивы протеста против классового и национального гнета. Из первых крупных работ, отражающих это направление, хотелось бы обратить внимание на труды доктора Андрея Мелихерчика о яношиковской традиции¹. В этом же плане написана и работа Яна Коморовского о короле Матвее Корвине в народной поэзии, выпущенная в 1957 г. издательством Словацкой академии наук. Большому исследованию предшествовало несколько статей, опубликованных в 1954—1956 гг.² В первой же работе Ян Коморовский проявил стремление анализировать материал с новых научных историко-материалистических позиций.

До последнего времени, несмотря на детальную разработку многих вопросов (главным образом — касающихся сравнительного изучения произведений о короле Матвее у славянских и неславянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии), не обращалось внимания на то, что чрезвычайно интересно с точки зрения современной науки. Сказания и песни о короле Матвее представляют большой интерес для изучения социальных воззрений народных масс, создавших художественный образ идеального главы государства — строгого блюстителя справедливости, милостивого, близко стоящего к народу и защищающего его интересы. Самая постановка таких вопросов, наглядно показывающая новый подход к изучению фольклорных явлений прошлого, — бесспорная заслуга автора. Стремление уловить взаимосвязь возникновения образа короля Матвея с историческими процессами эпохи образования централизованного феодального государства также отражает влияние марксистской научной методологии исследования фольклора. Но при рассмотрении характера образа короля Матвея, времени и условий его возникновения едва ли можно обойти вопрос о соотношении художественного образа с историческим прототипом. Думается, что углубленное проникновение в сущность исследуемых явлений неосуществимо в случае снятия со счетов данного круга проблем.

При ознакомлении с исследованием Яна Коморовского, очень интересного в целом, сразу же возникает вопрос: каким путем в фольклоре словаков возник образ короля Матвея? В силу каких причин венгерский король стал в фольклоре образцом истинно народного короля? Ссылки на то, что Матвей Корвин проводил политику централизации, и на то, что после его смерти крепостной гнет достиг апогея, в сущности, не все объясняют. Естественно напрашивается вопрос: почему же прототипом идеального короля послужил именно он? Анализ произведений о короле Матвее под этим углом зрения необходим для подкрепления и развития высказанных автором наблюдений и соображений.

Ян Коморовский находит возможным считать, что возникновение традиции о короле Матвее означает зарождение исторического фольклора в Словакии. Интересны его наблюдения над жанровыми особенностям сказок о короле Матвее. По его мнению, эти особенности в значительной мере определяются тем, что сказки о короле Матвее являются сказками историческими. В сравнении с древними легендарными преданиями историческая сказка характеризуется возрастающей значимостью социальной тематики. Зачастую основа ее сюжета строится на изображении аристократии в самых отрицательных тонах. Историческая сказка, по мнению Коморовского, ярко отразила изменения, происходящие в социальном положении крестьянства, и связанное с ними восприятие трудовыми массами окружающего мира. В отличие от древнего мифологического и легендарного предания историческая сказка органически связана с историческими фактами и личностями; элементы фантастики не играют здесь большой роли. И если фантастический элемент все-таки проникает в предания нового времени, то это обусловлено традиционным использованием древних элементов, которые в новых исторических условиях конкретизируются и приобретают новый смысл. Поэтому, подчеркивает Я. Коморовский, «предания о государе, избранном от железного стола (Прежмысл Орач), в новое время восприняли конкретные исторические имена и в условиях обостренной классовой борьбы с феодальной олигархией приобрели новый смысл: они выражали мечту трудового народа о крестьянском государе, который защищал бы их интересы. Следовательно, вымысел и фантастика в преданиях о Матвее имеет новую, социальную функцию. Новое идейное наполнение вытеснило старое» (стр. 26—27).

¹ См. A. Melicherčík, *Jánošíkovská tradícia na Slovensku*, Bratislava, 1952; его же, *Juraj Jánošík. Hrdina protifeudálneho odboja slovenského ľudu*, Praha, 1956.

² См. Ján Komorovský, *Poznámky k ľudovej tradícii o kráľovi Matejovi*, «Slovenský národopis», 1954, № 1—2, стр. 176—182; его же, *Kedy vznikla ľudová tradícia o kráľovi Matejovi Korvínovi*, «Slovenský národopis», 1955, No 3, стр. 309—315; его же, *Rozprávky o kráľovi Matejovi v ich vzťahu k staroruským apokryfom o kráľovi Salamúnovi*, «Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR», 1956, No 2, стр. 295—300.

По мнению автора, в сказках о короле Матвее повседневная жизнь крестьянства и городского люда нашла гораздо более широкое и полное отражение, чем в древних преданиях. В них даются яркие образы представителей различных социальных слоев и групп, от беднейших крестьян до вельмож. Соображения любопытны, но хотелось бы видеть в работе более убедительное обоснование высказанных положений, исходящее из углубленного анализа конкретного материала.

Формирование традиции о короле Матвее Коморовский относит к XVI веку (при этом он допускает, что отдельные элементы ее могли возникнуть еще в конце XV в., в последние годы царствования Матвея Корвина). Основа ее — образ справедливого государя, защищающего народ от притеснений и угнетений господ, — возникает в условиях усилившегося социального гнета (процесс, начавшийся в Австро-Венгрии в XVI в.). Попытка установить время возникновения традиции о короле Матвее имеет и общетеоретическое значение, так как способствует разработке проблемы отражения в фольклоре процесса развития народных представлений об идеальном правителе. Сопоставляя произведения о короле Матвее с фольклорными произведениями об Иване Грозном, автор пришел к интересным наблюдениям относительно того, как сходные исторические условия порождают сходные фольклорные циклы.

В связи с вопросом о возникновении традиции хотелось бы заметить следующее. Возникнув в XVI в., она развивалась дальше; многие из дошедших до нас произведений о короле Матвее возникли в относительно недавнее время как выражение мечтаний о «крестьянском» царе, который представлял бы волю народа. Автор не анализирует с этой точки зрения цикл в целом, а ограничивается тем, что отмечает вхождение в традицию новых элементов под воздействием тех или иных событий, поразивших народное воображение, претворение прежних мотивов и образов посредством перенесения на них отдельных черт героев древних преданий, легенд и т. д. Так, весьма интересные наблюдения, касающиеся слияния традиции о короле Матвее с яношиковской традицией (стр. 74—75), привнесения в образ короля Матвея мотивов, почерпнутых из древних апокрифов и сказок о мудрости царя Соломона (см. стр. 78—100).

Во введении Я. Коморовский заявляет о своем стремлении посредством сравнительного анализа показать связи традиции о короле Матвее у народов, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи (мадьяры, словаки, украинцы), с фольклором других, преимущественно славянских, народов и на этом фоне выявить специфические особенности словацкой традиции о короле Матвее (стр. 8). Первая из выдвинутых проблем в целом удачно решается автором: ему удалось проследить традицию в широком сравнительном плане, проанализировать точки соприкосновения традиции о короле Матвее с фольклорными произведениями других народов (с чешскими — о Пржемысле Ораче, с моравскими — об императоре Йосифе II, русскими — об Иване Грозном, Петре I, Суворове и др.).

Сравнительное изучение материала на базе марксистской методологии и критическое освоение сделанного предшественниками в этой области составляют большое и бесспорное достоинство исследования, делают его содержательным и разносторонним. Но при этом приходится признать, что выявить своеобразие традиции о короле Матвее у словаков автору в достаточной степени все-таки не удалось. В процессе рассматривания материала сделаны отдельные наблюдения, однако данные в заключение выводы об оригинальности словацких сказок о короле Матвее (стр. 102) не всегда вытекают из предшествующего анализа. Желательность детального исследования материала для более полного выявления словацкой специфики высказывалась в среде чехословацких фольклористов еще при утверждении книги к печати³. Надо полагать, что автор продолжит начатые им изыскания в этом направлении, так как вопрос о национальной специфике — один из основных в кругу проблем, поставленных в работе. Неизбежно возникает желание выяснить, есть ли существенная разница в характере образа короля Матвея у мадьяр, словаков и закарпатских украинцев, — ведь для словаков и для украинцев Матвей Корвин был носителем национального гнета. Надо либо вскрыть различия, либо попытаться выявить причины идеализации и различие характера ее в фольклоре мадьяр, с одной стороны, словаков и закарпатских украинцев, — с другой. Если из работы становится понятной идеализация образа Матвея Корвина в фольклоре южных славян (его успехи в борьбе с турецким нашествием), то относительно словаков и украинцев исследование полной ясности в этот вопрос не внесло, хотя в целом указанная проблема в работе поставлена.

Ценным дополнением к исследованию являются приложения, содержащие варианты произведений о короле Матвее, подобранные из чехословацких, венгерских, югославских и украинских изданий, а также собственных записей автора; подробную библиографию; указатель сюжетов и мотивов; указатель имен. Очень содержательно, несмотря на краткость, резюме на русском языке⁴. Оно дает возможность советским исследователям, не владеющим словацким языком, ознакомиться с этой интересной монографией.

Н. Велецкая

³ См. «Slovenský národopis», 1956, N 6, стр. 624.

⁴ Имеется также на немецком и венгерском языках.